P 23/303

ОПИСАНІЕ

СЕВАСТОПОЛЯ

И

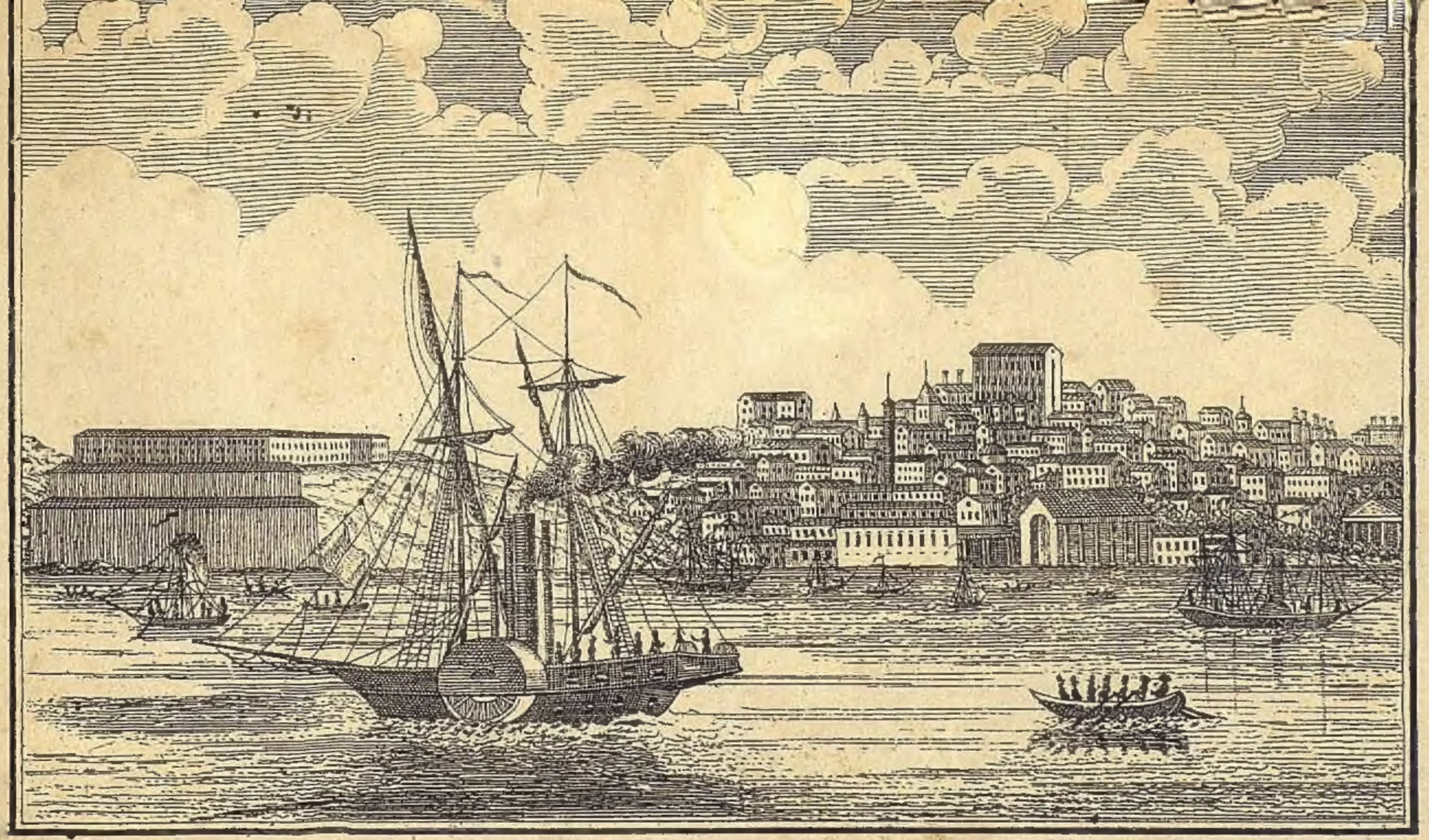
ОСАДЫ ЕГО

Р23
1303

АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ.

МОСКВА.

1855.



видъ города Севастополя.

934
2 Р
Р 23
303

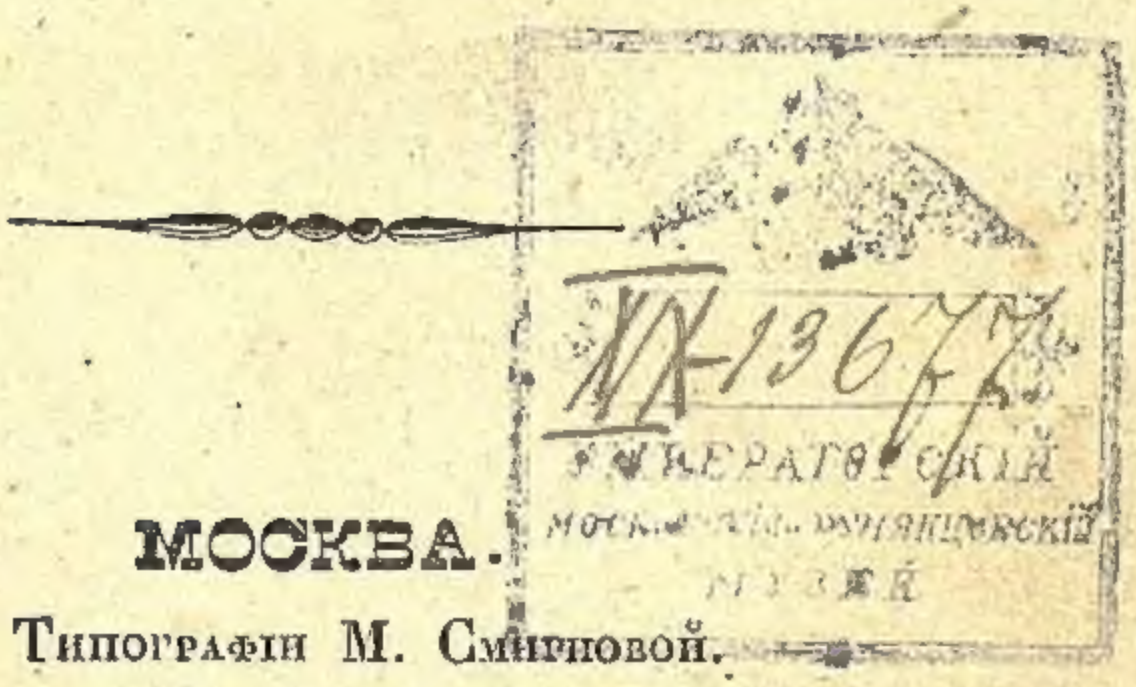
ОПИСАНІЕ

СЕВАСТОПОЛЯ

и

ОСАДА ЕГО

АНГЛО-ФРАНЦУЗАМИ.


№ 136772
ЛИТЕРАТУРСКІЙ
МОСКОВСКІЙ ДУХОВНЫЙ
МУЗЕЙ

МОСКВА.
Въ Типографіи М. Смирновой.
1855.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 30 дня, 1855 года.

Цензоръ *Н. фонъ Крузе.*

2007231735

ОПИСАНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

По присоединеніи Крыма къ Россіи въ 1783 году, Императрица Екатерина Великая, имѣя въ виду основаніе порта на Черномъ морѣ, повелѣла осмотрѣть на южномъ берегу Крыма портъ называвшійся Ахтіарская бухта и если оная окажется удобною, то перевесть туда часть

Днѣпровскаго и Азовскаго флота и назвать его Черноморскимъ. Портъ этотъ найденъ былъ весьма выгоднымъ, и еще въ 1783 году эскадра подъ начальствомъ Вице-Адмирала Клокачева первая введена была въ него для стоянки и сдана Контръ-Адмиралу Меккензи, положившему основаніе Севастополя.

Положеніе Севастополя, какъ военнаго порта весьма выгодно по удобству его рейда, который составляетъ широкая и глубокая морская бухта, вдавшаяся во внутренность болѣе восьми верстъ. Въ этомъ великолѣпномъ бассейнѣ нѣтъ ни кам-

ней подводныхъ, ни опасныхъ отмелей, входъ въ него не затруднителенъ и защищенъ грозными укрѣпленіями, которыхъ артиллерія покрываетъ огнемъ своимъ фарватеръ во всю его ширину и длину. Внутри этого бассейна у южнаго берега, четыре обширныя бухты: Артилерійская (для купеческихъ судовъ); Корабельная, южная и килебалочная, весьма удобныя и столь глубокія, что въ одной изъ нихъ, именно въ Корабельной, трехъ-палубныя военныя суда могутъ безопасно останавливаться лишь въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ берега. Между двухъ изъ этихъ бухтъ раскинулся на кругъ-

ломъ холмѣ Севастополь, построенный амфитеатромъ, улицы его, хотя широки и расположены правильно, но имѣютъ то неудобство, что идутъ безпрестанно съ одной крутизны на другую и чрезвычайно пыльны. Севастополь, какъ военный портъ имѣлъ надобность въ докахъ, служащихъ для починки кораблей, эти доки устроены здѣсь Инженеромъ Гюптопомъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, нѣсколько выше его уровня, вырытъ обширный бассейнъ, въ немъ то и устроено пять доковъ, изъ которыхъ въ трехъ чинятъ линѣйныя корабли, а въ двухъ остальныхъ фрегаты. При такомъ морѣ,

которое не подвержено приливамъ, осушеніе этихъ доковъ составляло задачу довольно трудную для рѣшенія: вотъ какимъ образомъ ее рѣшили. Въ осьмнадцати верстахъ отъ порта, въ большой равнинѣ, прилегающей къ рейду, есть рѣчка небольшая, но многоводная, текущая по мѣсту довольно высокому. Эту рѣчку называемую Черною, Инженеры отвели въ новое русло, высѣченное для нея въ утесѣ. Здѣсь она течетъ частію въ подземномъ тоннелѣ, частію по водопроводу и наконецъ падаетъ въ устроенныя для починки кораблей бассейны. Когда корабли вводятся въ доки, вода спу-

скается посредствомъ шлюзовъ и корабль, оставшійся на сушѣ, можетъ быть почишенъ. Послѣ починки воду опять впускаютъ такимъ же образомъ и корабль выводятъ. Эта же рѣчка служитъ и для снабженія судовъ прѣсною водою; вода ея проведена въ особое зданіе, гдѣ она очищается, идетъ потомъ къ морскому берегу и по первой надобности наполняетъ корабельныя цистерны.

Кромѣ берговыхъ батарей, Севастополь съ моря защищающихъ, на сѣверной его сторонѣ находится еще крѣпость, имѣющая видъ осьмиу-

гольника, съ четырьмя бастіонами, изъ которыхъ два южные прикрыты каждый люнетомъ.

Севастополь — заштатный городъ Таврической губерніи, находится отъ С.-Петербурга въ 2110 верстахъ, отъ Москвы 1434 вер. и отъ губернскаго города Симферополя въ 72 верстахъ онъ лежитъ далеко въ сторонѣ отъ большой дороги, на самомъ концѣ Крымскаго полуострова къ западу и считается самымъ южнымъ городомъ Россійской Имперіи, а потому не имѣетъ близкихъ отношеній съ родными нашими городами. Съ сѣверной стороны онъ окруженъ

горами въ 225 футовъ вышины, съ восточной и южной горами же въ 308 футовъ вышины и бухтами, съ западной моремъ. Воздухъ въ Севастополѣ здоровый, исключая нѣкоторыхъ окрестностей и господствующихъ болѣзней нѣтъ.

Въ 1787 году удостоила Севастополь своимъ посѣщеніемъ Императрица Екатерина Великая и въ память своего здѣсь пребыванія оставила въ церкви Св. Николая Чудотворца букетъ шелковыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ, полученныхъ Ею отъ посланника Мальтійскаго Гросмейстера. Жителей въ Севастополѣ считается

слишкомъ 40—т. Здѣсь находятся: Морская Офицерская Библіотека, помѣщающаяся въ великолѣпномъ зданіи. Она устроена заботами и трудами покойнаго Адмирала Михаила Петровича Лазарева; могила его находится по сосѣдству съ этимъ зданіемъ; Арсеналъ, два Адмиралтейства, отлично устроенный госпиталь и огромныя казармы для помѣщенія гарнизона, небольшой общественный садъ, театръ, уѣздное и приходское училища и военныя училища для матросскихъ дѣтей, здѣсь же поставленъ памятникъ Казарскому. Севастополь исключительно населенъ военными. Храбрые моряки составля-

ютъ одно, такъ сказать, многочисленное семейство, цѣлое лѣто они или въ морѣ на практикѣ, или стоятъ на рейдѣ; загородныхъ дачъ ни у кого изъ нихъ нѣтъ, а потому семейства ихъ никуда на лѣто не выѣзжаютъ. Моряки днемъ въ свободное время отъ службы, занимаются чтеніемъ въ здѣшней Морской Офицерской Библіотекѣ, которая можетъ равняться съ лучшими въ Европѣ, какъ по изящной отдѣлкѣ снаружи, такъ и по внутреннему богатству. Въ прошломъ 1854 году она обогатилась еще прекрасною картиною работы Павлова въ С.-Петербургѣ. Эта картина присланная въ даръ въ

Бозѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и исполненная масляными красками на полотнѣ, изображаетъ взятіе съ бою 5 Ноября 1853 года пароходомъ «Владиміръ», подъ начальствомъ Генералъ-Адъютанта, Вице-Адмирала Корнилова, Египетскаго десяти пушечнаго военнаго парохода «Первезъ-Бахри», въ послѣдствіи названнаго Корниловъ.

Къ востоку отъ Севастополя, сѣвернѣе Черной рѣчки, лежитъ Никерманская долина, по имени которой названъ мостъ, здѣсь находящійся. На этомъ мѣстѣ стоялъ го-

родъ Херсонесъ или Корсунь. Городъ этотъ для насъ Русскихъ великъ по воспоминанію о замѣчательнѣйшемъ походѣ Великаго Князя Владиміра, слѣдствіемъ коего было пріятіе имъ Христіанской Вѣры въ 988 году, просвѣтившей всю Русь и вступленіе его въ бракъ съ Греческою Царевною Анною. Православная церковь причла Великаго Князя Владиміра къ лику Святыхъ и назвала Равноапостольнымъ, какъ просвѣтителя вѣрой Христіанской многихъ народовъ. — Отъ города этого нѣкогда богатаго и цвѣтущаго остались только развалившіяся стѣны, башни и нѣсколько малыхъ пещеръ, высѣ-

чепныхъ въ отвѣсной скалѣ, замыкающей долину. Къ юго-западу отъ Севастополя тянется длинная коса, едва возвышающаяся надъ поверхностію моря, на ней устроенъ маякъ.

Вотъ краткій очеркъ Севастополя, на который въ настоящее время обращено всеобщее вниманіе; для уничтоженія котораго два сильныя Европейскія Государства послали и посылаютъ отборныя войска свои въ огромномъ числѣ; но всѣ предпринимаемые ими разрушительные адскіе способы на сокрушеніе твердыни Севастопольскихъ безсильны и

даже ничтожны противъ неодолимой стойкости и твердости Русскаго воинства, воодушевленнаго надеждою на Бога, преданностію Царю и любовью къ отечеству. Представимъ въ краткомъ очеркѣ весь обзоръ военныхъ событій съ самаго начала бомбардированія Севастополя.

Когда въ Бозѣ почившійся Императоръ Николай Павловичъ, какъ защитникъ Православія, видя страданія единовѣрцевъ нашихъ на Востокѣ подъ игомъ магометанскимъ, потребовалъ отъ Султана Турецкаго исполненія трактатовъ въ защиту Православныхъ Христіанъ, то дѣ

Христіанскія Европейскія паціи, Англія и Франція, завидуя могуществу и славѣ Россіи, объявили себя защитниками поклонниковъ Магомета, злѣйшаго врага Креста Господня, и послали свои многочисленныя войска и сильныя флоты, дабы внести огонь и мечь даже въ отдаленнѣйшіе предѣлы Имперіи и сокрушить ея могущество. И вотъ они переплываютъ Черное море и являются у Крымскаго полуострова, втораго Сентября святотатственною пятою своею ступили они на нашъ благословенный Крымъ, съ цѣлію разрушить Севастополь, уничтожить Черноморскій флотъ. День этотъ

весьма пáмятенъ для всякаго Русскаго, ибо сорокъ два года ужс тому назадъ, имснно въ 1812 году, двадесять языковъ предводительствуемые Наполеономъ вошли въ первопрестольный градъ Москву и всѣ погибли, потому что властитель и вожди Французовъ воздвигъ на насъ нс праведную войну, теперь чаемъ повторенія той же кары Небесной, ибо снова враги наши возстали на насъ за подвигъ Святой, подъятый нашимъ Православнымъ Монархомъ въ защиту страждующихъ христіанъ.

Маститый опытный полководецъ Русскихъ силъ Свѣтлѣйшій Князь

Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, не находя возможнымъ поразить непріятеля при появленіи его, сдѣлалъ распоряженіе о сосредоточеніи войскъ своихъ на рѣкѣ Альмѣ, гдѣ 8-го того же Сентября произошло сильнѣйшее сраженіе. Въ этомъ не равномъ бою противъ двухъ арміи сильныхъ Государствъ Европы, съ двойнымъ комплектомъ самыхъ грозныхъ разрушительныхъ средствъ, горсть Русскаго войска, воодушевленнаго надеждою на Бога и преданностію Царю, доказала Западу всю трудность предстоявшей борьбы ему. Послѣ сего сраженія, Князь Меншиковъ, чтобы дать войскамъ оправиться и

въ особенности пополнить заряды отвезъ ихъ чрезъ Никермапскій мостъ на южную сторону Севастополя. — Между тѣмъ видя, что непріятель можетъ стать на сообщенія его со внутренностію Имперіи рѣшился предупредить столь невыгодное послѣдствіе и предпринялъ самое отважное и искуспое движеніе къ Бахчисараю, гдѣ и расположился, оставивъ въ гарнизонѣ Севастополя только 8 резервныхъ баталіоновъ и высаженныя съ флота морскія команды. Но въ то самое время, когда Русскія войска совершили свое фланговое движеніе отъ Севастополя къ Бахчисараю, непріятельскія силы напра-

вились съ сѣверной стороны Севастопольской бухты на южную, и, продолжая свое движеніе по дорогѣ на Балаклаву, при содѣйствіи своего флота, овладѣли симъ городомъ, не смотря на геройское по тщетное сопротивленіе малочисленной команды Балаклавскаго Греческаго Баталіона. Получивъ такимъ образомъ опорный пунктъ на берегу моря, непріятельскія силы расположились, на пространствѣ между Черной рѣчкой и Херсонесскимъ мысомъ, начали укрѣплять Балаклаву, свозить съ кораблей осадную артиллерію и тяжести, а потомъ открыли траншейныя работы, противъ южныхъ Севастополь-

ских укрѣпленій, которыя были окончены только къ 5 Октябрю, въ ночи на сіе число непріятель прорѣзавъ амбразуры въ устроенныхъ траншеяхъ, съ 6 часовъ утра, открылъ сильный и не прерывающійся огонь противъ нашихъ батарей и бастіоновъ, которые отвѣчали успѣшно и успѣшно. Въ часъ по полудни подвинулся къ укрѣпленіямъ нашимъ непріятельскій флотъ и открыли по нимъ страшную пальбу. Закипѣлъ бой ужасный: застонала земля, задрожали окрестныя горы, заклокотало море, изъ тысячи орудій съ непріятельскихъ кораблей, пароходовъ и съ сухопутныхъ бата-

рей, въ то же время съ нашихъ батарей разразился адскій огонь; непріятельскія корабли и пароходы стрѣляли въ наши батареи залпами; бомбы, калсныя ядра, картечи, брандскугели и конгревовы ракеты сыпались градомъ; трескъ и взрывы были повсемѣстны, все это сливалось въ страшный и дикій гулъ; нельзя было различить выстрѣловъ, было слышно одно только дикое и ужасающее клокотанье; земля, казалось, шаталась подъ тяжестію сражающихся. Этотъ свирѣпый бой не умолкалъ ни на минуту, продолжался ровно двѣнадцать часовъ и прекратился тогда лишь, когда совер-

шенно смерклось, мужество нашихъ артиллеристовъ было невыразимо. Они видимо не дорожили жизнью, они дрались за Царя, за свое отечество — Богомъ благословенную Россію, за оскорбленную Вѣру! Казалось, что и прахъ отцевъ нашихъ въ могилахъ громко вопіялъ о мщеніи и мужествѣ. Густой дымъ заступилъ мѣсто безоблачнаго голубаго неба; сѣдыя облака клубились вверху и заслоняли солнце; сдѣлалось совершенно темно; даже комнаты наполнялись дымомъ. Всѣ думали, что на нашихъ батареяхъ неостанется и камня на камнѣ, но какая была радость, когда на другой день

утромъ увидѣли всѣ наши батареи въ цѣлости, и орудія всѣ на мѣстѣ. Описать этотъ страшный бой не возможно, всѣ благословляли Бога, что убитыхъ у насъ на батареяхъ очень мало; у непріятеля погибло гораздо больше, а флоту его досталось такъ больно, что онъ во второй разъ не подходилъ уже къ намъ. И такъ, не смотря на жестокій натискъ христіанскихъ державъ — поборницъ луны, хлынувшихъ на насъ пламенемъ и разрушеніемъ упованіе на Бога, на Его чудотворную, святую силу, видимо укрыло насъ отъ гибельнаго дѣйствія непріятельскихъ ядеръ и бомбъ, густымъ дождемъ

носящихся надъ нашими головами. И вотъ уже двадцатый день, какъ непріятель громитъ городъ день и ночь, бросаетъ въ него бомбы, калепыя ядра и конгревовы ракеты, но пожаровъ, значительныхъ нѣтъ.

Проходитъ три мѣсяца страшнаго бомбардированія Севастополя, во всей западной Европѣ только и разговоровъ, что онъ разрушенъ сожженъ, жители его всѣ разбѣжались, а онъ вопреки лживымъ донесеніямъ Англо-Французскихъ главнокомандующихъ, не разрушенъ и стоитъ непоколебимъ съ помощію Всевышняго Создателя и всѣ жители живутъ

въ домахъ своихъ хотя и поврежденныхъ довольно спокойно. Храбрые защитники неутомимо тревожатъ врага, дѣлая частныя ночныя вылазки, которыя для него весьма изнурительны.

Самъ Господь простираетъ десницу Свою на враговъ въ защиту насъ. Воля Господня проявляется въ бурѣхъ морскихъ и морозахъ лютыхъ. Ноября втораго воздымаются волны морскія, — и флоты вражескіе терпятъ страшное крушеніе и истребленіе. Въ Тавридѣ, всегда бывшей самою теплою страною Россіи и называемой Русскою Италіею, наста-

ють сильные морозы, — и враги наши или вовсе погибаютъ отъ нихъ, или содѣлываются не способными носить болѣе оружіе, отмораживая и руки и ноги. Отъ ожесточенныхъ стихій болѣе страдали Англичане, нежели Французы. Здѣсь также видна воля Божія, вразумляющая цѣлый свѣтъ, что Англичане болѣе другихъ были виною воздвигнутой противъ Россіи неправой брани. Когда четыре главные Европейскія державы: Австр'я, Пруссія, Франція и наконецъ самая Англія составили актъ для примиренія Россіи и Турціи, и нашъ великодушный Императоръ, изъ единаго желанія возстано-

вить нарушенный въ Европѣ миръ, изъявилъ, согласіе принять этотъ актъ, то та же Англія, чрезъ своихъ агентовъ, коварно убѣдила Турцію не соглашаться на общее постановленіе почти цѣлой Европы, на постановленіе и самой Англіи, — и война возгорѣлась со всѣми ея ужасами. Неужели страдальческій вѣнецъ многихъ милліоновъ Христіанъ, страждущихъ подъ игомъ Магометанскимъ болѣе 400 лѣтъ не могъ пробудить въ жестокихъ сынахъ Альбіона сострадація къ своимъ единовѣрцамъ? Неужели корыстные виды, которые представлялись имъ въ воздвигаемой ими войнѣ, заглушили у нихъ голосъ

человѣчества и лишили ихъ возможности видѣть терпія тяжелаго вѣпца, видѣть терпія, терзающія тѣло и кости, терзающія и самую душу и сердце несчастныхъ Христіанъ? Неужели стопы этихъ несчастныхъ не достигли ихъ слуха и сердца? Но часъ суда Божія уже насталъ; цѣлая почти Англійская армія, которою такъ гордилась Англія, погибла въ Тавридѣ и отъ ожесточенныхъ стихій, и отъ побѣдоноснаго Русскаго оружія и наконецъ отъ собственнаго ихъ худаго управленія. Это число четырехъ десятковъ тысячъ погибшихъ воиновъ, возвѣщенное съ каѳедры Англійскаго Парламента и на

поминающее собою четырехъ-столѣтнее страданіе Христіанъ, не ясно-ли служитъ новымъ указаніемъ правосудія Божія противу тѣхъ, которые неправдою и коварствомъ своимъ воздвигли брань, не въ защиту страждущихъ, подобныхъ имъ Христіанъ, а въ защиту враговъ и мучителей ихъ. Но враги наши не внимая симъ карамъ Господа, съ наступленіемъ всесвѣтныхъ дней приготовились къ новому бомбардированію, замышляемому ими уже пять мѣсяцевъ въ гораздо большихъ размѣрахъ. Во второй день Свѣтлаго Праздника, то есть 28 Марта, когда Христіане воспоминаютъ во умиленіи душъ и

сердцъ торжественное возстаніе изъ мертвыхъ Христа, Спасителя своего, съ 5 часовъ утра открываютъ канонаду изъ 250 орудій, продолжавшуюся до 7 часовъ вечера, при чемъ выпущено до двадцати тысячъ выстрѣловъ. Наши батареи отвѣчали огнемъ не столь частымъ, но болѣе мѣткимъ. Вечеромъ канонада постепенно перешла въ бомбардированіе, бомбы свѣтились на небѣ словно звѣзды въ ясную ночь. Мечтая, въ два дня срыть наши батареи, и производя одиннадцать дней жесточайшую канонаду почти съ равною силою, непріятель не успѣлъ однакоже сбить ни одной изъ на-

шихъ батарей. На двѣнадцатый день бомбардированіе стало немного легче. Не говоримъ о дѣлахъ, бывшихъ каждую ночь въ ложементахъ и цѣпи, гдѣ начиналось перестрѣлкой и доходило до штыковъ. Орудія непріятельскія были гораздо большаго калибра, чѣмъ въ осеннюю бомбардировку; тогда, за исключеніемъ 5 чи-

сла, въ бухтѣ и на сѣверной сторонѣ все было покойно; теперь же съ Сапунъ горы союзники стрѣляли каленьими ядрами по бухтѣ въ наши корабли и пускали на сѣверную сторону разрывныя ракеты, флотъ не принималъ участія въ бомбардированіи; нѣсколько разъ пароходы ды-

мились, корабли строились въ колоны, какъ бы для наступленія, но якоря не подымали. Только одинъ пароходъ ходилъ, какъ домовой, тревожитъ сонъ защитниковъ Севастополя; приблизится въ полночь, дастъ залпъ или два по городу и тотчасъ уходитъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ укрѣпленія № 10-го отучили однако домоваго отъ ночныхъ прогулокъ.

Чудно-велики были въ Свѣтлую седмицу морякн богатыри, давно готовые къ смерти, давно забывшіе все земное, грозно-величественную картину представлялъ бастіонъ во время бомбардированія, точно жерло

огнедышащей горы. Ядра, гранаты, бомбы, пули летятъ, свистятъ, шипятъ, лопаются, рвутся, рикошетируютъ во всѣхъ направленіяхъ, но никто не обращаетъ на нихъ вниманія, кромѣ сигнальщика, который съ трубою въ рукахъ, слѣдитъ за непріятельскими батареями. Изучивъ ихъ совершенно, онъ знаетъ каждую амбразуру, какое орудіе бьетъ метко или мимо, рѣдко или часто, когда начнетъ дѣйствовать та или другая батарея. Осьмой мѣсяцъ сряду чудо-богатыри смотрятъ съ утра до вечера и съ вечера до утра въ очи лютой смерти и ничто ихъ неустрашаетъ. Что же можетъ поддерживать

такъ долго, въ столь тяжелое время, духъ моряковъ преданность Вѣрѣ, Царю, Отечеству, честь флага и въ сильной степени развитое чувство нравственной дисциплины. Бастіонъ замѣнилъ моряку утопленника-корабль: тотъ же командиръ, тѣ же Офицеры, боцманъ, тотъ же флотскій экипажъ, пушки, та же теплится лампада предъ образомъ. Стоя на батареѣ, онъ защищаетъ и честь флага, и родину, съ высокаго вала онъ видитъ домъ свой, садикъ, семейство, флотскій хуторъ. Для такихъ людей пѣтъ наградъ въ этомъ свѣтѣ, да нѣкоторые и отказываются отъ нихъ.

Все это вмѣстѣ взятое объяснятъ, какимъ образомъ могъ возникнуть сонмъ такихъ героевъ офицеровъ, цѣлые экипажи закаленныхъ, какъ адамантъ, богатырей съ непоколебимою волею, желѣзнымъ тѣломъ и твердою рѣшительностью отстоять крѣпость или пасть всѣмъ до послѣдняго. Но не падутъ храбрые защитники Севастополя! Милосердіе Божіе сохранитъ ихъ для славы Россіи, для чести Черноморскаго флота и въ вѣчный примѣръ грядущимъ поколѣніямъ.

Упомянувъ о геройствѣ моряковъ — Черноморцевъ, приведемъ въ доказательство подвиги тѣхъ изъ нихъ, которыхъ доблести всегда будутъ служить примѣромъ безпредѣльной храбрости и рѣдкаго самоотверженія:

Унтеръ-офицеръ 42-го флотскаго экипажа Михайло Кругловъ, одинъ изъ лучшихъ комендоровъ, нашихъ храбрыхъ и хладнокровныхъ воиновъ, которые находятся безотлучно; отъ начала осады на батареяхъ Малахова кургана; человѣкъ серіозный, дѣльный, словомъ, хорошій боцманъ; онъ большой чудакъ и умѣетъ раз-

смѣшитъ всякаго. На какой батареѣ не появится Кругловъ, непремѣнно слышенъ хохотъ. Будучи комендоромъ 36 фунтоваго орудія, онъ находится при немъ безотлучно. утромъ, проспувшись, онъ обыкновенно смотритъ въ амбразуру, и если пальба не началась, то говоритъ: «а! — землякъ (*) еще кофе пьетъ»; раздается

(*) Матросы наши, встрѣчаясь за границею съ Французами и съ Англичанами, на берегу, очень скоро знакомятся съ ними за стаканомъ рому и уже потомъ не иначе называютъ ихъ какъ земляками.

первый выстрѣлъ, Кругловъ сей часъ отвѣчаетъ, приговаривая: «здравствуй, землякъ, на тебѣ гостинчикъ». Его выстрѣлы такъ удачны, что заставляютъ вскорѣ противниковъ молчать. Случалось, что Англичане открывали пальбу въ то время, когда Кругловъ дремалъ послѣ обѣда, сидя у орудія; его будятъ: Михайло Григоричъ, землякъ проснулся. — «А! проснулся давай гранату», и вскочивъ, онъ немедленно наводитъ орудіе. Матросы его нестолько любятъ, какъ уважаютъ. Однажды непріятельское ядро ударило въ мѣшокъ; Круглова обсыпало мелкими камешьями, и лице его покрылось кровью;

ни сколько не конфузясь, онъ обтеръ лицо и продолжалъ наводить орудіе приговаривая: «Ничего, земляк, ничего, ужъ лучше того не сдѣлаешь, каковъ я есть». Онъ вообще сердитъ на Англичанъ, и въ особенности на перебѣжчиковъ, которыхъ на бастіонахъ угощаютъ водкой. Ну, ужъ, говорилъ онъ: «пусть кто изъ этихъ бродягъ покажется въ мою амбразуру, пришибу и сброшу въ ровъ, чтобъ не пили нашей водки.

Гишенко — унтеръ-офицеръ 42-го Флотскаго экипажа, комендоръ бом-

бичсскаго орудія, человѣкъ бравый, распорядительный и хладнокровный; его поговорка: «сила небесная». — Въ первые дни бомбардированія, пальба была такъ часта, что до орудія нельзя было дотронуться. «Рѣже стрѣлять», говорили ему: «орудіе горячо.» — «Ничего, мы его сейчасъ напоимъ, отвѣчалъ Тишенко. Вода немедленно являлась, и орудіе мочили швабрами. — Англичане сильно ему надоѣдаютъ своею стрѣльбою. «Да неужъ-то не покараетъ тебя сила небесная!» говорилъ онъ заряжая и наводя орудіе.

Ангеловъ — унтеръ-офицеръ 44-го Флотскаго экипажа, небольшаго роста, коренастый, ловкій, хорошій марсовой. Покойный Адмиралъ Корниловъ его очень любилъ, и пріѣзжая на фрегатъ «Коварна», на которомъ служилъ Ангеловъ, всегда спрашивалъ объ его здоровьѣ. Вообще Ангеловъ очень дѣятеленъ, трудолюбивъ и исполнителенъ по службѣ, какъ комендоръ на лѣвомъ фасѣ Малахова кургана; его орудіе дѣйствовало не такъ много, но за то страдало отъ продольной Англійской батареи, и ему не разъ случалось

подъ ядрами мѣнять 36 фунтовое орудіе.

Шпикаренко — унтъ-офицеръ 39 Флотскаго Экипажа, комендоръ бомбическаго орудія; имъ всегда любовались на батареѣ, какъ лучшимъ артиллеристомъ. Шпикаренко замѣчателенъ тѣмъ, что очень серіозенъ: никто и никогда не видалъ, чтобы онъ улыбнулся:

Василій Коленичепко — матросъ 32-го Флотскаго Экипажа. Ему было отнято плечо въ верхней трети. Послѣ операціи онъ тотчасъ же обратился къ оператору съ словами: «покорнѣйше благодарю, Ваше Высокоблагородіе. Нельзя ли рюмку вина выпить?» Когда ему принесли рюмку вина, онъ поднявъ ся лѣвою рукою, сказалъ: «За ваше здоровье, Ваше Высокоблагородіе.

29-го Флотскаго Экипажа боцманъ Алямовъ состоялъ комендоромъ при бомбическомъ орудіи, на четвертомъ бастіонѣ, и неустанно наводилъ свою пушку на 2-ю амбразуру Французской батареи. Непріятельское ядро оторвало ему ногу. Алямова понесли на носилкахъ. «Стой» крикнулъ онъ: «ей, Семенъ, поди-ка сюда». Подбѣжалъ матросъ, занявшій мѣсто комендора, «слушай!» говорилъ раненый, «если ты мнѣ къ вечеру не подобьешь втораго орудія, я приду и поссорюсь съ тобой... Ну теперь поноси на перевязку.

5-го Октября утромъ, Капитанъ 1-го ранга Керкъ, крикнулъ своему деньщику: Михайло, чаю! — «Ваше Высокоблагородіе,» отвѣчалъ деньщикъ; «чаю не будетъ, ядро снесло трубу съ самовара». Пошелъ сказалъ Капитанъ, и какъ хочешь, а чтобы былъ чай. — Въ это время летѣла мимо Кориловскаго бастіона непріятельская ракета. Увидѣвъ ея, деньщикъ сказалъ: «Сейчасъ будетъ», и бросился бѣжать, по направленію ея полета. Чрезъ нѣсколько минутъ исполнительный матросъ установилъ желѣзную гильзу ракеты, на пораненый самоваръ своего Капитана.

Англичане вытащили изъ колодца утопувшаго рядоваго Охотскаго егерскаго полка, который во время ночной вылазки попалъ туда невзначай. Вмѣсто того чтобы похоронить тѣло, они приставили его къ траншеѣ и подперли камнями. Штуцерные съ обѣихъ сторонъ наблюдали другъ за другомъ и выжидали удальца, который покусился бы достать трупъ, выставленный образованнымъ народомъ на поруганіе. Ожиданіе не замедлилось. Извѣстный всему гарнизону матросъ 30-го Флотскаго Экипажа, цмешемъ Кошка, отправился съ разрѣшенія начальства, въ опасную экспедицію. Подъ прикрытіемъ на-

михъ штуцерныхъ, Кошка благополучно подползъ къ трупу, снялъ его и отправился въ обратный путь. Но вскорѣ представилась тѣсность; на которой онъ вполнѣ открывался непріятельскимъ выстрѣламъ, а между тѣмъ наши стрѣлки должны были прекратить огонь, чтобы не убить храбраго товарища. Но смѣтливый матросъ уже отыскалъ у траншеи Англійскіе посылки, прорѣзалъ въ нихъ двѣ дыры, положилъ на посылки покойника, просунулъ его руки въ отверстія и, укрывшись подъ трупомъ и посылками, ухватилъ покойника за руки и впередимо приползъ съ нимъ на 3-й бастіонъ, хотя

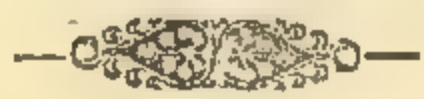
въ трущ попало, во время этого путешествія, шесть непріятельскихъ пуль.

Въ редутъ Лейтенанта Шварца, впереди 5-го бастіона, комендоръ бомбическаго орудія Романовъ наводилъ его на Французскую батарею. Тали уже были натянуты, какъ слѣдуетъ, клинъ подложенъ, уголъ возвышенія опредѣленъ, направленіе дано. Романовъ отскочилъ на край платформы, держа въ правой рукѣ шнуръ и будучи въ полной готов-

пости дернуть его и пустить бомбу на утѣху непріятелю; но предъ тѣмъ ему вздумалось еще разъ повѣрить прицѣлъ. Въ эту минуту недалеко отъ нашего орудія упала непріятельская бомба и сердито зажужжала,— «пли», сказалъ Романовъ, бомба разорвалась, но никого не задѣла. «Вишь», сказалъ смѣючись досужій комендоръ, «дарма что басурманская, а русскую команду знаетъ! — пли», снова крикнулъ онъ, дернувъ за шнуръ, и наша бомба вырвавъ щеку французской амбразуры лопнула надъ самимъ орудіемъ.

Ночью 18-го Октября, сигналистъ стоялъ на брустверѣ пятаго бастіона. Въ глубокой темнотѣ, сверкнулъ одинъ изъ многочисленныхъ огоньковъ, обозначающихъ выстрѣлы непріятельскихъ мортиръ, расположенныхъ передъ Севастополемъ и горящая трубка бомбы стала медленно отдѣляться надъ горизонтомъ. «Берегитесь, бомба», крикнулъ сигналистъ, прибавивъ «наша»! — это значило, что судя по полету бомбы, она должна упасть на батарею. Бомба дѣйствительно ударилась въ мерлонъ, и погрузившись въ растворенной отъ дождя земляной насыпи, не разорвалась.... Сигналистъ, не пере-

мѣняя голоса, крикнулъ «померла»? а въ слѣдъ за тѣмъ «берегитесь.... бомба! армейская?» Дѣйствительно, другая непріятельская бомба высоко поднялась на воздухъ и упала позади 5-го резервнаго баталіона Бѣлостовскаго пѣхотнаго полка, составлявшаго прикрытіе нашей батареи.



29-го Флотскаго Экипажа матросъ Савостьянъ Великій, выдернулъ трубку изъ непріятельской бомбы, упавшей близъ пороховаго погреба. Вскорѣ послѣ того осколокъ другаго не-

пріятельскаго снаряда ранилъ Великаго въ ногу. Его положили на носилки и понесли на перевязочный пунктъ пунктъ. «Ахъ безсовѣстные», сказалъ со смѣхомъ удалый матросъ, — «должно быть прогнѣвались, что я имъ испортилъ одну бомбу.»

24-го Октября, послѣ вылазки Генерала Тимофѣева изъ 6-го бастіона, солдаты Минскаго пѣхотнаго полка выносили раненыхъ и убитыхъ. Въ числѣ прочихъ четверо

несли трупъ убитаго Французскаго офицера. Кто-то сказалъ имъ «зачѣмъ вы его несете, своихъ бы выносили». «Нельзя, Ваше Благородіе, былъ отвѣтъ, «онъ даромъ что Французъ, а славно дрался.»

Матросъ 37-го экипажа Колпаковъ, раненый въ руку, не хотѣлъ оставлять своего орудія, говоря батарейному Командиру, «помилуйте, Ваше Благородіе, развѣ одною рукою

нельзя дѣйствовать?» Упрямаго храбреца насильно отправили на перевязку.

Матросъ 1-й статьи 30-го Флотскаго Экипажа Петръ Кошка, извѣстенъ тѣмъ, что участвовалъ почти во всѣхъ вылазкахъ, и постоянно отличался храбростію и предпріимчивостью. Въ одной изъ вылазокъ онъ былъ въ передовомъ отрядѣ охотниковъ; отдѣлившись отъ своихъ и зная хорошо мѣстность, Кошка,

незамѣтно прокрался къ непріятельской цѣпи, бросился на трехъ стоявшихъ съ цѣпи Французовъ, и этой смѣлой выходкой взялъ ихъ въ плѣнъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія. Кошка нѣсколько разъ одинъ прокрадывался къ непріятельскимъ траншеямъ и почти всякій разъ возвращался или съ захваченнымъ оружіемъ, или со свѣдѣніями о числѣ непріятеля. Но подвигъ, которымъ онъ пріобрѣлъ общее уваженіе и извѣстность, былъ слѣдующій: въ одной изъ вылазокъ, съ 3-го бастіона, противъ Англичанъ, были убиты два наши сапера; они при отступленіи отряда охотниковъ оста-

лись на мѣстѣ незамѣченными; на другой день съ бастіона увидѣли, что убитые наши саперы были врыты по поясь въ землю около самой непріятельской траншеи, представляя какъ бы цѣль для нашихъ выстрѣловъ; подобное кощунство надъ тѣлами убитыхъ возмущаетъ духъ Русскаго, и Кошка вызвался охотникомъ принести тѣла падшихъ героевъ. Получивъ позволеніе, онъ перекрестился, и съ словами: «Господи благослови!» отправился на дѣло славное.— Сначала между каменьями и бугорками, незамѣчаемый непріятелемъ, прокрадывается Кошка къ тому мѣсту, гдѣ были врыты тѣла падшихъ

героевъ, потомъ смѣло встаетъ, и въ виду изумленныхъ Англичанъ выкапываетъ трупъ; по немъ открываютъ штуцерный огонь; но онъ продолжаетъ работать, не обращая вниманіе на свистъ пуль. Освободивъ трупъ, Кошка взваливаетъ на плеча и возвращается на бастіонъ. Видимо Господь хранилъ храбраго Кошку; онъ не былъ раненъ, между тѣмъ какъ въ трупъ, имъ несенный, попало пять непріятельскихъ пуль. Въ вылазкѣ 17-го Января противъ Французовъ, гдѣ Кошка также былъ въ числѣ охотниковъ, вскочивъ первымъ въ непріятельскую траншею онъ былъ раненъ штыкомъ въ лѣвую

сторону груди на сквозь, но такъ счастливо, что штыкъ прошелъ подъ кожей, не тронувъ кости. Но эта первая, но неопасная рана стоила жизни ранившему его Французу, а штыкъ и ружье сдѣлались добычею нашего неустрашимаго воина. Въ настоящее время здоровье Петра Кошки видимо поправляется, и есть надежда, что непріятель въ скоромъ времени опять увидитъ его у себя въ траншеяхъ.

31-го флотскаго Экипажа Мичманъ Батьяновъ, во время бомбардированія Севастополя 5-го Октября 1854 года находился на 4 дистанціи, когда попавшая въ пороховой погребъ бомба произвела пожаръ. Контръ-Адмиралъ Истоминъ, обратясь къ Батьянову, сказалъ: «вотъ случай отличиться, ступай и потуши». Сказано, Батьяновъ бросился съ матросами въ погребъ и потушилъ пожаръ, при чемъ обжегъ себѣ руку. 10-го Октября при взрывѣ пороховыхъ ящиковъ на Корниловскомъ бастіонѣ Батьяновъ сильно контуженъ въ голову и правое ухо, съ обжогомъ правой части лица, отчего произошло тече-

ніе изъ уха матеріи, имѣвшее вліяніе на его слухъ. Не смотря на это, онъ остался на бастіонѣ. Ноября 1-го будучи посланъ Контръ-Адмираломъ Истоминымъ, въ городъ за приказаніемъ, возвращался оттуда въ темную и весьма бурную ночь. Проѣзжая чрезъ мостъ, наведенный въ Южной бухтѣ, на срединѣ его, отъ разъединенія волненіемъ досокъ, Батьяновъ съ лошадью провалился въ море; освободивъ изъ стремянъ ноги и сбросивъ съ себя въ водѣ почти всю одежду и сапоги, полуодѣтый, онъ сперва держался за доску, упавшую съ моста, а потомъ, когда замѣтилъ, что волны готовы унести

его на рейдъ, бросилъ ее, пустился въ плавь и благополучно достигъ до Павловскаго мыса, гдѣ вытащенный въ оцѣпенѣніи, былъ приведенъ въ чувство и отогрѣтъ. На другой день утромъ онъ отправился къ своему посту. 30-го Декабря Батьяновъ былъ контуженъ осколкомъ бомбы въ правое плечо и, не смотря на боль, остался на бастіонѣ. — Мичманъ Батьяновъ приказомъ Главнокомандующаго, отданнымъ 26 Ноября, награжденъ Орденомъ Св. Анны съ бантомъ.

29-го Флотскаго Экипажа матросъ Севастьянъ Литвиновъ, находясь въ прислугѣ у орудія и будучи контуженъ въ голову, онъ не захотѣлъ оставить своего орудія, чрезъ три дня получилъ двѣ раны въ одинъ день, въ грудь и ногу, оба раза перевязавшись, не смотря на боль, двился къ своему орудію, при которомъ былъ комендоромъ, и, на предложеніе товарищей отдохнуть, отвѣчалъ: «пока во мнѣ есть хоть капля крови, я не оставлю своего орудія.» Такимъ презрѣніемъ опасности и исполненіемъ долга, онъ подавалъ примѣръ своимъ товарищамъ.

41-го Флотскаго Экипажа квартирмейстеръ Михайло Мартынокъ 7-го Октября непріятельская бомба, пробивъ пороховой погребъ, разорвалась въ немъ; немедленно изъ отверстія крыши поднялся густой столбъ дыму. Квартирмейстеръ Михайло Мартынокъ, находившійся въ то время камендоромъ у орудія, увидя это, схватилъ ведро съ водой и взбѣжалъ на крышу погреба, сталъ лить воду въ это отверстіе; потомъ собралъ нѣсколько человѣкъ и заставивъ лить ихъ воду въ пробитую крышу, самъ бросился во внутренность погреба, который былъ полонъ дыму, и началъ раздвигать по-

роховые ящики, видя, что одинъ изъ нихъ загорѣлся, онъ вытащилъ его вонъ изъ погреба и залилъ водой. Такимъ образомъ погребъ уцѣлѣлъ, благодаря присутствію духа и безстрашію Квартирмейстера Мартынюка.

КОНЕЦЪ.

ИЗДАНІЕ

Ч. Н.

ПЕРВАГОВА.

2007231735

2007231735